

18+

АНДРЕЙ ПШЕНИЧНИКОВ

Прогулки со смертью

РАССКАЗЫ

Андрей Пшеничников

Прогулки со смертью. Рассказы

«Издательские решения»

Пшеничников А.

Прогулки со смертью. Рассказы / А. Пшеничников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964578-4

В сборник вошло больше десятка рассказов. Всех их объединяет тема бренности человеческой жизни. В рассказах умирают их главные герои — люди, умирают чувства, безвозвратно проходит время. Для широкого круга читателей. Рисунок на обложке автора. Рассказы ранее публиковались в других сборниках автора.

ISBN 978-5-44-964578-4

© Пшеничников А.
© Издательские решения

Содержание

История Голубой планеты	6
Компьютерная поездка	9
Полёт астероида	13
Докука	16
Прогулки со смертью	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Прогулки со смертью

Рассказы

Андрей Пшеничников

Иллюстратор Андрей Пшеничников

© Андрей Пшеничников, 2021

© Андрей Пшеничников, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-4496-4578-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История Голубой планеты

Что такое Вселенная? Вселенная – это ничто. Пыль. Космическая пыль. Но как красива Вселенная! Да, пусть будет именно так, будем считать так. Так нужно считать, так лучше. Как красива Вселенная!

Жалкий человечек, на краю Земли, на её тёмной стороне, стоит, задрав лохматую голову вверх, и видит тысячи звёзд. Как холоден этот мир. И как тепло на Земле, летней короткой ночью. Но глаза человечка горят. Внутри его головы пробегают электрические разряды – белые искры во мраке мозга. Это Вселенная зовёт человечка. Он слышит её зов. И он не так жалок, чтобы не принять его. Он готов...

Голубая планета. Вот что-то входит в твои плотные слои атмосферы. Горит. Удар. Всё, Земля.

Перед нами яркий пейзаж планеты. Голубое небо с раскалённым в зените Солнцем; край зелёного леса; поле в буйных травах; искрящаяся вода быстрой реки; блестящие мокрые камни; всё погружено в подвижное марево зноя, жара. Но так ли ты приветлива, Голубая планета?

Сколько миллионов лет ты вертишься? О, нет! ты нисколько не постарела! Может быть, чуть-чуть устала. Ведь сколько миллионов лет... Ага, вот на опушке леса появились два человечка, слышен их говорок, вот они, преломляясь, медленно исчезают в мареве зноя. Да, здесь живут человечки, и уже давно.

Сначала их было мало, и это были скрюченные волосатые существа – первобытные человечки. Они постепенно распрямились, стали голыми, но так и остались какими-то узловатыми существами. Человечки скоро начали считать себя самыми красивыми, и начали считать себя венцом творения Вселенной.

Сначала их было мало, но постепенно их становилось всё больше и больше. Они стали вылезать из своих пещер и строить себе дома. Появились города.

Сначала человечки строили белые, как мел, города. Они гармонично вписывались в твой яркий пейзаж, Голубая планета. Чувствовалось, что здесь жили твои дети. И они любили тебя, как дети любят мать. И на улицах белых городов слышалось радостное ликование человечков.

Но время шло, и города стали серыми, как пепел, с узкими тёмными улочками, обнесёнными крепостными стенами. Увы, человечки, жившие в этих городах, уже не любили тебя, Голубая планета – они любили Бога. И на смену радостному ликованию пришёл тихий шепоток, расплзавшийся по серому городу.

Но время шло, и на тебе, Голубая планета, появились пёстрые города, похожие на мусорную свалку. Там всё было пестро, но преобладали грязные цвета. Чёрные заводы ошетились трубами в твоё голубое небо. Вот мутно блестят зеркальные колонны небоскрёбов, а в глубине улиц туда-сюда снуют человечки. Не слышно ни радостного ликования, ни тихого шепотка – всё слилось в сплошной гул. И человечки, жившие в пёстрых городах, похожих на мусорную свалку, не любили ни тебя, Земля, ни Бога – они любили только себя.

Да, всё это время человечки любили и ненавидели друг друга. Они постоянно воевали между собой.

В эпоху белых, как мел, городов, они убивали друг друга лёгкими ударами железных палочек, и умирали легко.

В период серых, как пепел, городов на смену лёгким белым одеждам воинов пришли тяжёлые доспехи. Человечки заковались в блестящий металл и также убивали друг друга ударами железных палочек, но удары стали тяжелее, и воины умирали тяжело.

Во времена пёстрых городов, похожих на мусорную свалку, человечки стали убивать себя металлическими шариками, вылетающими из металлических трубочек. А скоро они изобрели страшное оружие. Это оружие могло уничтожить тебя, Голубая планета. В твоё ясное небо поднялись железные механизмы, несущие на своих крыльях смертоносный груз. Эти же механизмы, но без крыльев, ползли по земле, среди буйных трав, среди запахов этих трав. Они двигались по синей глади твоих океанов, и неслышно, как огромные чёрные рыбы, скользили под водой. Воины же оделись в одежды защитного цвета. В отличие от белых воинов и от железных, эти хотели, чтобы ты, Земля, спрятала их от смерти. Да, большинство человечков боялось смерти.

Но было чувство, которое иногда побеждало страх и заставляло человечков жить мирно. Это любовь. У человечков было принято считать любовь самым прекрасным и высоким чувством. И человечки любили, строили дома, занимались науками и вышли даже в космос. Но не думай, Голубая планета, они ещё нескоро смогут покинуть тебя навсегда, да и смогут ли вообще. Пока они привязаны к тебе, к твоему теплу. Но даже и тогда, когда они всё-таки покинут тебя, они всё равно останутся землянами. А пока... жалкий человечек, на краю Земли, на её тёмной стороне, стоит, задрав лохматую голову вверх, и видит тысячи звёзд. Как холоден этот мир. И как тепло на Земле, летней короткой ночью. Но холодный и безмолвный мир зовёт к себе человечка. Он слышит зов Вселенной. И он не так жалок, чтобы не принять его. Он готов...

Однако и это время прошло. Потому что всё когда-то проходит. И не видно уже того лохматого человечка на краю Земли, задравшего голову вверх. Вселенная перестала быть недостижимой для него, и перевелись мечтатели. На смену пёстрым городам, похожим на мусорную свалку, пришли стеклянные, как лёд, города. Всё здесь было прозрачно и чисто. Да, человечки очистили тебя, Голубая планета, от грязи, потому что они стали чистоплотными. Но они не любили тебя, они не любили Бога, не любили они и себя. Человечки, жившие в стеклянных, как лёд, городах вообще ничего не любили – они только думали. И не было слышно ни радостного ликования, ни тихого шепотка, ни гула, ничего – наступил полный покой.

Хотя человечкам уже неведомо было чувство ненависти, они продолжали воевать, так как войны имеют и объективные причины. Правда, не было видно в твоём небе, планета, железных механизмов, несущих на свои крыльях смертоносный груз; не ползли эти механизмы среди твоих буйных трав, среди запахов этих трав; свободно дышали океаны, и не встретить было в их бездонных глубинах неслышно скользящих чёрных рыб. Нет. Начались бесконечные звёздные войны – безмолвная смерть в холодном мире Вселенной. А на Земле было по-прежнему тепло и уютно. Спокойно работал мозг в светлых лабораториях научно-исследовательского института. За стенами шумели своей хвоей сосны и стучал дождик по бетонным дорожкам.

Но время шло. На Солнце начал выгорать последний водород. Оно стало остывать, краснеть и всё больше увеличиваться в размерах. На Земле наступил долгий тёплый вечер. Человечки стали покидать Голубую планету. И вот последний человек поставил ногу на трап звездолёта, прощальным взглядом окинул ещё яркий пейзаж планеты. В его глазах отразился край зелёного леса, поле с буйными травами, с запахами этих трав, синяя искрящаяся вода быстрой реки, блестящие мокрые камни и ещё голубое небо с плывущими по нему лёгкими белыми облаками... Хлопнула крышка люка, и какая-то огненная точка медленно исчезла в небе Голубой планеты.

Да, ещё долго продолжался тёплый вечер на Земле. Но опустели стеклянные, как лёд, города, не было здесь больше человечков, лишь доживали свой век старые роботы, да бешено метались мутанты в светлых лабораториях научно-исследовательского института.

Сумерки постепенно сгущались. И если бы в этот момент выглянуть из разбитого окошка заросшего травой домика на краю того самого леса, то можно было бы увидеть огромный диск красного Солнца, садящегося за край горизонта, и... умирающую землю.

Голубая планета скоро сгорела в солнечной короне, завершив, таким образом, последний круг своего существования. Что же касается человечков – землян, то они рассеялись во Вселенной и совершенно затерялись в её холодном и безмолвном мире.

1996 г

Компьютерная поездка

Он сидел в автомобиле, совершенно спокойно. Звучала лёгкая ритмичная музыка, больше ничего слышно не было. Машина стояла возле аккуратного белого домика с палисадником, единственное росшее там деревце переливалось на солнце яркой зелёной листвой. Странно, что не было слышно шума листвы на ветру, звучала лишь лёгкая ритмичная музыка. Небо было светло-голубым, где-то вверху, за пределами переднего ветрового стекла светило полуденное солнце, но тепла он не чувствовал. Впереди, вдоль улицы, тянулись два ряда совершенно одинаковых белых домов, точно таких же, возле которого он стоял. Было видно, что улица, заканчиваясь, выходила на шоссе, где туда-сюда проносились редкие точки автомобилей. Это перемещение точек, да игра переливающейся на солнце зелёной листвы было единственным движением во всей этой, словно нарисованной, неподвижной картине полдня.

Ладно, пора. Прокатимся.

Его рука сама собой включила зажигание. На фоне звучащей лёгкой ритмичной музыки послышалось сердитое урчание работающего двигателя, которое стало почему-то внушать некую неопределённую надежду и уверенность. Надежду на что? Уверенность в чём? Он нажал на газ, отчётливо щёлкнула автоматическая коробка передач, и машина тронулась. Его руки плавно вывернули рулевое колесо влево, улица с двумя рядами одинаковых белых домиков поплыла вправо, и автомобиль мягко выехал на дорогу. Через несколько секунд езды, от которой он начинал испытывать удовольствие, улица закончилась. Он миновал автобусную станцию с застывшими там людьми и, пропустив перед самым носом длинный рефрижератор с несколькими рядами колёс, вырулил на шоссе.

Стрелка спидометра поползла вправо, застыв на отметке шестидесяти миль в час. Населённый пункт с аккуратными белыми домиками, автобусной станцией и красной водонапорной башней скоро исчез из виду, как яркая картинка с открытки. Серая полоса асфальта прямой лентой уходила вдаль. По её сторонам бесконечной чередой тянулись зелёные поля с редкими фермами и группами деревьев. На светло-голубом небе появились белые угловатые облака, которые невидимый ветер гнал куда-то на запад. На шоссе попадались немногочисленные встречные автомобили, часто совершенно одинаковые. От всего этого постепенно становилось скучно.

Он проехал уже около тридцати миль, но ничего не происходило. У него совсем было испортилось настроение, когда он, наконец, обратил внимание на зеркало заднего вида. Там уже несколько минут виднелась оранжевая точка какого-то автомобиля. Это был первый попутный автомобиль, который он заметил, и этот автомобиль неуклонно приближался. Возникло ощущение, что здесь что-то не так, что что-то должно было случиться.

Ещё через десять миль пути подозрительная машина уже достаточно приблизилась, чтобы её можно было рассмотреть во всех подробностях. Это был большой кабриолет. В нём находилось, наверное, человек шесть, которые активно размахивали во все стороны руками. Странно? Он решил подпустить кабриолет поближе и уже через несколько мгновений сквозь звучание лёгкой ритмичной музыки, сердитое урчание работающего мотора и шуршание покрышек об асфальт расслышал тупые хлопки. Теперь стало понятно: шестеро мужчин в тёмных костюмах, в шляпах с широкими полями, находившиеся в оранжевом автомобиле, не просто махали во все стороны руками – они стреляли во все стороны из револьверов.

От этого открытия у него похолодели ладони, на лице появилась нервная улыбочка. Он судорожно нажал на газ как раз в тот момент, когда все шестеро мужчин разом начали стрелять в его сторону. Но он успел. Ничего не произошло. Кабриолет начал медленно отставать, затем он резко уменьшился, очевидно, затормозив, свернул на пересекавшую шоссе дорогу и быстро скрылся из поля зрения зеркала заднего вида.

Он перевёл дух и, может быть, в первый раз вслушался в лёгкий ритм звучавшей музыки. Это его расслабило. Он заметил и некоторые перемены в окружающей его картине. Исчезли белые угловатые облака, небо из светло-голубого превратилось в синее. Наступал вечер. Чаще стали попадаться сложные развилки дорог, какие-то дорожные знаки и указатели, которые он никак не мог разобрать. Всё говорило о том, что впереди приближался крупный населённый пункт, скорее всего, большой город.

Промелькнул знак, вполне определённо указывающий на приближение автозаправочной станции. Он сбавил скорость. Вот показалась и сама заправка с красными бензоколонками. Когда до неё оставалось совсем немного, от группы стоявших там автомобилей отделился человек и побежал к шоссе, размахивая чем-то в руке. Опять эти махания руками! Его нога сама собой надавила на газ, стрелка спидометра быстро поползла вправо. Фигура человека, который уже успел добежать до шоссе, промелькнула мимо, и в следующий миг раздался взрыв. Он успел заметить его огненное зарево в зеркале. Машину резко занесло. Сердце лихорадочно билось. Руки дрожали. Но, не сбавляя скорости, он всё же сумел справиться с заносом, чуть было не слетев с дороги. Чёрт, кажется, пронесло.

По-прежнему звучала лёгкая ритмичная музыка. Синее небо становилось всё темнее и скоро превратилось в густо-сиреневое. Только над далёкой линией горизонта светилась жёлтая полоса заката, но самого солнца видно не было. Зато взошёл белый диск луны. Такой огромной луны он ещё не видел. На ней отчётливо можно было разглядеть тёмные моря и крупные кратеры. Стало как-то тревожно. Он даже не заметил, как на фоне жёлтой полосы заката появился чёрный силуэт города, возвышавшийся в центре зловещими пиками небоскрёбов. Он сбавил скорость и через некоторое время въехал в чужой для него город.

В городе было довольно темно и мрачно. Серые однообразные дома зияли чёрными провалами окон. Лишь кое-где в них горел электрический свет, да иногда, между коробок домов, выглядывала луна, заливая улицу бледным фосфорическим светом. Стали попадаться одинокие прохожие на тротуарах, часто совершенно одинаковые, с бесстрастными, застывшими лицами.

Ближе к центру города от подсвеченных витрин магазинов, огней рекламы, мигания светофоров стало светлее. Увеличился поток машин на улицах, возросло и число пешеходов. Внезапно пошёл дождь, вмиг омывший асфальт. К звучанию лёгкой ритмичной музыки, сердитому урчанию работающего двигателя, шуршанию покрышек прибавился мерный стук дождя о верх его машины. Он включил дворники, которые с лёгким скрежетом стали освобождать переднее ветровое стекло от струек воды. Сделалось как будто уютнее, только удивляло одно: откуда мог взяться дождь, если по-прежнему из-за серых коробок домов то и дело выглядывала огромная луна?

Вскоре стали появляться и новые звуки, делавшиеся всё более настойчивыми. Первым был вой далёкой полицейской сирены, поразивший его своей заунывностью и оторванностью в этом ночном городе. То тут, то там раздавались хлопки пистолетных выстрелов, треск авто-

матных очередей. От кучек людей, скопившихся у дверей баров, доносились какие-то крики, которые он никак не мог разобрать. Был ещё один, периодически повторявшийся звук, источник которого он долго не мог определить. Это был душераздирающий вопль, после которого раздавалось отвратительное чавканье и хлюпанье. Однако загадка разрешилась банально. Это оказался вопль сбиваемых машинами прохожих. И всякий раз жертвой становился какой-то парень в клетчатых штанах, пытавшийся перед самым носом автомобиля перебежать дорогу. А машины даже не тормозили, сбивали его на полном ходу и как ни в чём не бывало продолжали движение. Вообще, как он понял, водители в этом городе не стремились соблюдать правила дорожного движения, и ему приходилось быть всё более осторожным. Это начинало утомлять.

На улицах стали попадаться разбитые горящие машины. Уже несколько раз он мог наблюдать потасовки у дверей баров, а один раз даже видел, как застрелили какого-то парня с длинными волосами, одетого в кожаную куртку, прямо на улице. Изредка попадались совсем тёмные перекрёстки, посередине которых негры в грязных майках и вязанных шапочках жгли костры. И каждый раз, когда он проезжал мимо них, они бежали за его машиной, показывали средний палец, плевались и что-то кричали, что – непонятно. Он встретил и своих старых знакомых. Как-то он стоял на перекрёстке в ожидании зелёного сигнала светофора. Послышался звук приближающейся стрельбы. По пересекавшей перекрёсток дороге промчался белый лимузин, а следом за ним – большой оранжевый кабриолет. Шестеро сидевших в нём мужчин, в тёмных костюмах, в шляпах с широкими полями, наперебой стреляли в лимузин из револьверов. Через несколько секунд кавалькада с пальбой скрылась из виду. Он ещё несколько раз, в разных концах города, встречал белый лимузин и преследующий его оранжевый кабриолет. И было непонятно: те же это машины, несущиеся в бесконечной погоне по ночному городу, или это были совершенно другие машины?

Он начал уставать. К городу, где творился какой-то беспредел, он уже привык, ничто его здесь уже не удивляло. Становилось скучно. Казалось, что его никто здесь не хотел замечать. Он решил заехать в бар и свалить из города.

К бару он подъехал как раз в тот момент, когда снова убили парня с длинными волосами, одетого в кожаную куртку. Он остановил машину, но двигатель глушить не стал. Дождь по-прежнему барабанил по крыше, дворники со скрежетом освобождали переднее ветровое стекло от струек воды, звучала лёгкая ритмичная музыка. Всё это окунуло его в мягкий покой. На фоне светящихся окон бара снова происходила потасовка, оттуда до него доносились крики людей. Но в какой-то момент картина изменилась. От толпы отделились несколько фигур, у одной из которых в руке он заметил пистолет, и двинулись к его машине. Крики стали громче, он уже мог разобрать несколько слов: «Твою мать! Сука! Я тебе сейчас мозги вышибу!» О, чёрт! Он резко рванул машину. Сзади раздались выстрелы. Только через несколько кварталов, когда бар остался далеко позади, он заметил на переднем ветровом стекле две пробоины от пуль. Значит на этот раз его всё-таки задел. Всё, пора сматываться из этого города.

Но удача покинула его. Он сам это почему-то почувствовал. Наверное, потому, что удача и усталость – вещи несовместимые. Да, он страшно устал. На одном из поворотов он, видно, не рассчитал скорость, или даже не хотел её рассчитывать. Его машину сильно занесло и ударило о какой-то одиноко припаркованный автомобиль. Всё как бы замерло. Снова звучала лёгкая ритмичная музыка, о верх машины барабанил дождь, снова он оказался перед баром, где творился какой-то беспредел. Однако он заметил и перемены. Не было слышно сердитого урчания заглушённого двигателя и скрежета неподвижно застывших дворников. Сквозь водяни-

стую муть, покрывшую переднее ветровое стекло, он уловил уже знакомое движение. От кучки людей у бара отделились несколько фигур и двинулись к нему. Он не стал ждать, когда они подойдут, открыл дверцу и спокойно вышел из машины. Он слишком устал, чтобы не быть спокойным. Ему было уже всё равно.

Первое, что он заметил, выйдя из автомобиля, была абсолютная тишина. Звучание лёгкой ритмичной музыки вдруг прекратилось. Он даже замер от изумления. Но через несколько секунд звуки стали возвращаться. Послышалась новая музыка, сначала тихо, затем всё громче и громче. Она напоминала шум прибора: волны то накатывались на берег, то медленно отступали. Это ему понравилось. В следующий миг до него долетели крики приближающихся людей, он снова разобрал слова: «Твою мать! Сука! Я тебе сейчас мозги вышибу!» Раздалось несколько выстрелов. Выйдя из оцепенения, он двинулся к углу дома, сначала шагом, нащупывая в кармане пистолет, о существовании которого он до последнего времени даже не подозревал, затем бегом. Завернув за угол, он оказался на тёмной пустынной улице. Здесь он остановился. Ему вдруг захотелось пострелять. На фоне светящихся окон бара чётко вырисовывались тёмные силуэты его преследователей. Он сделал несколько прицельных выстрелов, испытывая от этого удовольствие. Одна фигура упала.

Он решил бежать и побежал. Даже сильно уставший человек иногда совершает разумные поступки. Он бежал, из-за спины до него долетали крики людей, хлопки выстрелов. Он сам несколько раз останавливался, оборачивался и стрелял куда-то в темноту, затем снова бежал. Он бежал до тех пор, пока звуки погони, становившееся всё глуше и глуше, не прекратились совсем. Значит оторвался. Он пошёл шагом.

По-прежнему была ночь, лил дождь, волны то набегали на берег, то медленно отступали. Тёмная улица оставалась совершенно пустынной, он не встретил ни одного прохожего, мимо него не проехала ни одна машина, лишь изредка в подворотнях, среди нагромождения мусорных баков, шныряли огромные крысы со светящимися красными глазками. Одну такую крысу он даже пристрелил от нечего делать. Ему уже надоело идти, улица казалась бесконечной, да и куда идти, зачем? Снова навалилась страшная усталость, кроме этой усталости он больше уже ничего не чувствовал. Он остановился.

Неизвестно, сколько прошло так времени, когда он услышал шуршание шин о мокрый асфальт. Приблизился автомобиль. Он обернулся только тогда, когда машина была уже совсем рядом. Он заметил в открытом окне боковой дверцы тёмный овал лица и руку с пистолетом. Он не успел ничего сообразить, или не хотел ничего соображать, как прогремело несколько выстрелов. Что-то ударило его в грудь и прижало к сырой стене дома...

Он медленно сползал по стене вниз. Шум прибора прекратился, было слышно лишь как стучал дождь, и ещё, на какое-то мгновение, он снова расслышал вой далёкой полицейской сирены. Значит, его всё-таки достали. Он не чувствовал боли, и усталости он тоже больше не чувствовал. Перед тем, как картинка окончательно погасла в его глазах, он почувствовал лишь лёгкое сожаление. О чём он тогда пожалел, он и сам не знал.

1997 г

Полёт астероида

Когда Александр только родился, об этом астероиде ещё никто не знал. Но он был. Он летел где-то на окраине Солнечной системы, серый, испещрённый мелкими кратерами, со скоростью 25000 километров в час, направляясь к Земле. И через 27 лет астероид должен был встретиться с ней.

Между тем Александр подрастал. Как и все, сначала он пошёл в детский садик, потом в школу. В школе он учился хорошо, хотя и не был отличником. Часть летних каникул он проводил в городе: за телевизором и компьютером, в дворовых играх со своими сверстниками. С тех пор картина жаркого полдня в летнем городе навсегда врезалась в память Александра. Было так жарко, что плавился асфальт. Солнце тысячами слепящих зайчиков отражалось в окнах многоэтажных домов. От этого зноя спастись можно было только где-нибудь в подвале, где в полутьме из труб гулко капала вода, или, в крайнем случае, в подъезде одного из домов, где нет-нет да просквозит струя прохладного воздуха.

Другую часть летних каникул Александр проводил в деревне у дедушки с бабушкой. Здесь ему больше всего понравились деревенские вечера. В эти часы он один пробирался на зады бабушкиного дома, где был заглохший сад со старой баней, и наблюдал закат. Тёплая земля дышала своими ароматами, заря заката тихо догорала, на тёмном небе зажигались первые звёзды, сова неслышно пролетала между яблонь сада, направляясь на свой ночной промысел, деревня затихала... Но нужно было возвращаться в город.

А астероид тем временем проделал уже половину пути до Земли. Позади остались Нептун, Уран. Впереди приближался гигантский Сатурн со своими кольцами. Но на Земле об астероиде по-прежнему никто не знал.

Александр был увлекающимся ребёнком, и интересовало его многое. В разное время он посещал рисовальный, драматический, шахматный, радиотехнический кружки. Самостоятельно занимался физикой, биологией, историей, астрономией, философией. Но ближе к старшим классам школы, по мере того, как Александр всё больше узнавал, что есть этот мир и жизнь человека, всякий интерес в нём стал угасать, на его взгляд, выражение лица, движения тела легла печать грусти и лени, сквозь которые проглядывала уже скука.

Александр не был одинок. У него были прекрасные отношения с родителями, имелись друзья. В старших классах школы его посетила первая настоящая любовь, которая, правда, оказалась безответной. Но и общение скоро перестало спасать Александра от надвигающейся душевной пустоты и скуки. Окончательно они настигли его, когда он уже был студентом.

Именно в это время в средствах массовой информации стали появляться сведения об астероиде. Поначалу им никто не придавал значения. Но Александр их заметил. Каждый раз, когда в программе вечерних новостей говорили о приближающемся к Земле астероиде, непонятная внутренняя радость наполняла Александра. Это была смутная надежда на всеразрешающий конец, который должен был уничтожить ту пустоту, в которой он, Александр, оказался.

Постепенно вал сообщений об астероиде нарастал. Их пик пришёлся на тот период, когда Александр уже окончил институт и стал работать мелким чиновником в администрации одного из районов города. Дни тянулись особенно однообразно, и сообщения о надвигающейся ката-

строфе развлекали Александра. А комментаторы не скупилась: рисовали картины конца света одну страшнее другой.

Первоначально все утверждали, что при столкновении с астероидом наша планета просто-напросто расколется на мелкие части. Однако вскоре кто-то лысый, с улыбкой превосходства на лице, напомнил, что Земля в своей основной массе представлена расплавленной магмой, и уж расколоться точно никак не сможет – разве что расплескаться.

Тогда все стали говорить о том, что метеорит может сбить Землю со своей орбиты. При этом, если Земля получит ускорение, она удалится от Солнца и остынет; если же, напротив, затормозится, то приблизится к Солнцу, а то и вообще упадёт на него. Однако скоро какие-то молодые, но уже бородатые учёные одного из научно-исследовательских институтов провели расчёты и со спокойным, даже отрешённым видом, заявили, что ничего подобного случиться не может, так как масса Земли неизмеримо больше массы астероида.

После этого получила распространение третья версия катастрофы. Её сторонники доказывали, что в результате удара астероида о землю в атмосферу поднимется много пыли, которая закроет небо и преградит путь солнечным лучам. Наступит зима, и всё живое на планете погибнет. Однако и тут нашлись оптимисты-очкарики, которые заявили, что некоторые неприхотливые виды растений и животных всё-таки выживут, и, в частности, на чём почему-то делался особый упор, жить останутся тараканы.

Выдвигались и другие версии катастрофы. Появились даже сообщения о том, что правительства некоторых стран предпринимают определённые меры и тому подобное. Но никакой паники нигде не наблюдалось.

Скоро об астероиде стали говорить всё меньше и меньше, хотя по расчётам астрономов до Земли ему оставалось лететь всего два года. Почему так случилось, объяснить трудно. Казалось, об астероиде совсем забыли, но только не Александр. Он теперь стал часто вставать по ночам и подолгу смотреть на звёздное небо, стараясь заметить там какое-нибудь движение. Но тщетно. Ночное небо оставалось недвижимым.

Два года прошли. В этот душный июньский вечер Александр, как обычно, пришёл с работы, принял душ, съел приготовленный матерью ужин и устроился перед экраном телевизора посмотреть традиционные вечерние новости. Каково же было его удивление, когда диктор сообщил, что астероид благополучно пролетел мимо земли, и что теперь человечеству ничто не угрожает. Это было неприятное удивление. Последние огоньки, которые ещё светились в глазах Александра, погасли.

В одной книге Александр когда-то прочитал, что натуры, подобные ему, к тридцати годам, если можно так сказать, успокаиваются и начинают жить обычной жизнью, как все. Наверное, нечто подобное случилось и с ним. Карьера Александра пошла в гору. В 35 лет он удачно женился, вырастил двоих прекрасных детей, чьей заботой был окружён в старости. Но... Но что бы ни делал Александр всю свою жизнь, у него была только одна цель – убить время.

Когда Александр умер, и родственники забрасывали его могилу землёй, плакали и скорчились – астероид был уже далеко. Он покинул Солнечную систему, и Солнце превратилось

в крошечную звезду. Астероид летел со скоростью 25000 километров в час, медленно вращаясь вокруг своей оси. Он летел в тёмном и холодном космосе, совершенно неслышно.

2002 z

Докука

Говорят, что тяжело пахать землю, выращивать хлеб. Говорят также, что тяжело в одиночку переплыть океан или взобраться на Эверест. Я не знаю. Вполне возможно. Но зато я точно знаю, что очень тяжело целыми днями лежать на диване и ничего не делать! Не верите? Попробуйте сами, и вы убедитесь, что я прав. При этом вы не должны ни читать, ни смотреть телевизор, ни слушать музыку – необходимо исключить всякие занятия, а также всякое общение, разговоры по телефону и тому подобные вещи, и так провести целый день.

Ну как? Попробовали? Легко вам было? И это ведь только один день, а не неделя, не месяц и не год. Тем более, что всё это вы проделали специально, ради интереса, чтобы испытать себя. Одним словом, вы не почувствовали и десятой доли той скуки, которую ощущает человек, лежащий целыми днями на диване не ради какой-то забавы, а потому, что ему действительно всё на свете не интересно, не интересно по-настоящему.

В старших классах школы, когда мне было ещё интересно жить, я прочитал роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Эта книга сразу стала мне очень близкой, а её главный герой – Григорий Печорин – моим любимым героем, которому я стал подражать. Во всяком деле я напускал на себя равнодушный вид, и это доставляло мне огромное удовольствие. Я думал, как хорошо быть безразличным ко всему, мне казалось, что я отлично понимаю и Печорина, и самого Лермонтова. Но года через три, когда я действительно потерял всякий интерес к жизни, и мне стало по-настоящему скучно, я понял, как жестоко ошибался. Я понял, как на самом деле было тяжело Печорину и самому Лермонтову. Я почувствовал всю невыносимую тяжесть скуки и ничегонеделания. Когда жизнь перестает приносить тебе радость, перестаёт быть тебе интересной, то тогда она просто берёт тебя и укладывает на диван. И начинается самая нудная, самая изошрённая пытка.

Я лежу на диване уже десять лет! Нет, я, конечно, не прикован к нему. Я могу сесть или даже встать и походить по комнате, посмотреть в окно. Естественно, мне приходится выполнять какие-то самые необходимые дела. Я завтракаю, обедаю, ужинаю, моюсь, чищу зубы. Я могу починить сломавшееся реле старого холодильника или смазать заедающий дверной замок. Однако необходимых дел у меня не так много, придумывать же себе какие-то другие дела я не хочу. Потому что придуманные дела не являются необходимыми, а какой смысл делать то, что не является необходимым, тем более если это не приносит тебе никакого удовольствия. И поэтому основную часть времени я всё-таки провожу на диване.

Бывает, лежишь так час, два, три, наконец, до того надоедает лежать, что уже больше не можешь. Тогда ты поднимаешься и садишься, а делать-то всё равно нечего. Сидишь так час, два, три, блуждая взглядом по комнате. И вот то, что ты сначала лежал, а потом сел, уже является для тебя событием дня – до того однообразна и скучна моя жизнь.

А бывает, такая хандра находит, такая апатия наваливается, что даже и просто сесть ты не можешь, потому что и это тебе кажется бессмысленным делом. И ты лежишь уже, действительно, как прикованный, и тебе до того всё неинтересно, что даже думать не о чем, и мыслей в голове никаких нет. В такие моменты я погружаюсь в забытье: нечто среднее между бодрствованием и сном, и для этого мне не нужна ни медитация, ни самогипноз. Я достигаю транс естественным путём, не прикладывая к этому никаких усилий. Это помогает скоротать время,

но не на много. В основном же я просто лежу, и в голову мне лезут всякие дрянные мысли, от которых и сойти с ума недолго. Да, десять лет на диване – это вам не шутка.

Сначала я ещё на что-то надеялся. Думал, что всё ещё может измениться, и что на моей улице тоже будет праздник. Поэтому я каждый день ждал завтрашний день, и от этого моя скука была ещё невыносимее. Но вскоре я ясно для себя осознал, что и ждать-то мне нечего. Да, меня ничто не ждёт в этой жизни, кроме душевной пустоты и скуки. Уяснив для себя это, я перестал считать время и ждать завтрашнего дня. И мне стало даже легче. Раз жизнь не имеет особого смысла, то, действительно, не лучше ли просто лежать на диване и ничего не делать? В буддийской философии говорится, что лучше сидеть, чем стоять; ещё лучше лежать, чем сидеть; а ещё лучше спать, чем просто лежать; но лучше всего умереть. Но так как умирать мне страшно, сплю я тоже плохо, то мне остаётся просто лежать. И я буду лежать. Я буду лежать и стараться ни о чём не думать, стараться быть спокойным. В мире нет ничего ни хорошего, ни плохого, и равнодушие – это наиболее объективная форма отношения к окружающей действительности. Я буду лежать на своём диване тридцать, может, сорок лет, а потом я умру, как и все умирают. И скорее всего, меня некому будет схоронить. Но это меня не тревожит. Я буду и мёртвый лежать на диване, и это не станет большой переменной в моей судьбе. Я буду лежать на диване, в зале обычной двухкомнатной квартиры, с плотно задёрнутыми шторами на окнах. Там, на улице, будет падать холодный снег, а в зале будет тепло от батарей центрального отопления. На столе будет стоять золочёный подсвечник с тремя горящими свечами, и позолота будет искриться в их мерцающем свете, а с дивана будет смотреть мой мёртвый зрак...

Да, скорее всего, так оно всё и будет. И всё же у меня есть ещё одно, последнее желание. Дело в том, что не только скучно сорок лет лежать на диване, но и умирать на диване, одному, тоже скучно. И мне хочется хотя бы умереть не на диване, а в бою, и не одному, а с ещё миллионами и миллионами людей. Да, я мечтаю о третьей мировой войне! Это моё ожидание войны порой бывает таким нетерпеливым, что я часами смотрю по телевизору новости, переключаясь с одного канала на другой, и в потоке репортажей из разных уголков земли пытаюсь уловить её приближение. У меня много времени, и я часто подолгу думаю о том, какая это будет война. Может быть, это будет война современных великих держав за новый передел мира, как первая и вторая мировые войны. Возможно, это будет война многолюдного и бедного юга с богатым, но малочисленным севером, и тогда, если победит юг, наступят новые средние века. А может быть, падение нравственных устоев в капиталистическом обществе приведёт к анархии на земле и всеобщей бойни. Порой, желание войны настолько обуревают мной, что я начинаю к ней готовиться: делаю гимнастику, читаю книги о прежних войнах, изучаю оружие. Но главное, я на тысячу ладов стараюсь представить себе тот последний мой бой.

...Обычно, мне чудится промышленная окраина какого-то небольшого южно-сибирского города, с трубами молчаливого завода, горами металлолома и длинным бетонным забором с колючей проволокой и надписью: «Осторожно, территория охраняется злыми собаками». Мне чудится поздняя осень, ясное небо после дождя, холодно, на земле подмораживает грязь. Нашему подразделению будет дан боевой приказ обороняться на высоте, недалеко от города, а затем отходить в сторону леса, который на карте будет обозначен как «Прозрачный лес». Бой начнётся вечером, когда низкое солнце зальёт окрестности багровой краской заката. Особенно ярко в его лучах будут гореть огромные многосекционные окна одного из корпусов завода. В самый разгар боя взрывом реактивного снаряда меня оглушит. Из моих ушей потекут струйки тёплой крови, которые я буду стирать грязными закоченевшими пальцами рук, и дальше бой будет для меня продолжаться как в немом кино. Земля будет в дыму. Я буду видеть взрывы в тишине, наблюдать передвижения солдат и боевых машин противника, трассы

пуль. Наше подразделение не выдержит натиска врага, и мы начнём отходить к лесу. В редком лесу, больше похожем на городской парк, негде будет укрыться, голые стволы деревьев будут розоветь в лучах холодного заката. И вот, на опушке леса, одна из огненных прерывистых линий от трассирующих пуль прожжёт меня насквозь где-то в области сердца, и я ещё успею оглянуться и увидеть, как она будет уходить за спиной... между розовых стволов деревьев... в прозрачный лес...

Да, именно так, в большинстве случаев, я представляю себе свой последний бой. Однако сколько бы я ни всматривался в сводки новостей, я не мог разглядеть никаких признаков новой надвигающейся мировой катастрофы. Конечно, в разных местах происходили какие-то локальные войны, но в них гибли единицы, а миллионы в это время продолжали жить как ни в чём не бывало. Погибнуть, даже в бою, в такой войне у меня не возникало желания. Ведь если умирать, так всем вместе. Я не верю, что вторая мировая война была последней большой войной, я не теряю надежды, и, может быть, моё последнее желание всё-таки исполнится.

...А может быть, всё будет совсем не так. Ведь сорок лет на диване – это очень много. Может быть, уже через пять лет мне всё надоест. Мне надоест лежать на диване. Мне надоест ждать третью мировую войну. Да и не желаю я зла людям. И тогда я поднимусь с дивана, совершенно спокойный, оденусь и выйду на улицу. Это случится поздним вечером, в один из новогодних дней. Я выйду из подъезда своего дома и в последний раз вдохну морозного свежего воздуха. Посёлок будет светиться редкими огнями, будет валить снег, белый под фонарями уличного освещения и тёмный в переулках и дворах домов. Я закурю сигарету и пойду в центр посёлка. Там, на площади, разноцветными огнями гирлянды будет гореть большая ёлка, многочисленные гирлянды, но только маленькие, будут мигать в витринах магазинов. В центре будет много молодёжи, радостной в предвкушении весёлого вечера. Когда-то, не так давно, среди них был и я со своими товарищами, но уже тогда мне было скучно. Будет скучно мне и в этот вечер, но скучно смертельной скукой, той самой, с которой ничего нельзя поделать.

Выкурив свою последнюю сигарету, я зайду в бар. Там будет очень тесно и шумно. И кто-нибудь из старых моих приятелей, всё ещё продолжающих разгульную жизнь, обязательно окликнет меня. Я подойду, сяду за столик, мне нальют штрафной стакан водки, я выпью, но вряд ли стану пьяным, и уж точно мне не сделается хорошо. И через некоторое время я кому-нибудь не понравлюсь в баре.

И вот я уже буду стоять в тёмном дворе, один против десятерых, и у меня не будет ни единого шанса. Но он мне и не нужен. По-прежнему будет валить снег. После первого же удара у меня из носа пойдёт кровь, и я почувствую её приторный запах. Я буду стоять до последнего, и с каждым новым ударом мне будет становиться всё скучнее и скучнее. И уже в самом конце мне вдруг очень ясно представится, что жизнь – это всего лишь какой-то дурной сон, и что сейчас этот сон, наконец, закончится, и тут я почувствую облегчение, какое не испытывал уже много лет.

А всего лишь через пару таких же тёмных дворов, за пеленой падающего снега, будет мой двор и мой дом, и окна моей квартиры будут светиться призрачным светом. Там, за плотно задёрнутыми шторами, в натопленном зале на столе будут гореть три свечи в золочёном подсвечнике, и позолота будет искриться в их мерцающем свете, а диван будет ещё хранить тепло моего тела. И на этом всё закончится, всё пройдёт. А что прошло, того и не было.

Прогулки со смертью

Смерть жила одна, в старом деревянном доме, который своими окнами выходил на широкую сельскую улицу. За противоположным рядом домов этой улицы виднелся лес – так местные жители называли заросшее русло некогда протекавшей здесь речки. За лесом к водоразделу поднимались тусклые поля.

Вход в дом был со двора. Сам двор имел заброшенный вид. Его сараи и мазанки стояли пустыми, потемнели от времени и начали уже разрушаться.

Со двора можно было попасть на зады дома, откуда открывалась широкий вид на окрестности. Ближе всего находился колхозный машинный двор, весь заставленный остовами комбайнов и тракторов. Немного поодаль и в стороне виднелась ферма с длинными коровниками, водокачкой и громоздким зданием кормоцеха. Ещё дальше, на взгорке, синело крестами кладбище.

Смерть появилась в этих местах года три назад. Она нашла пустующий дом и стала в нём жить. Дом был хоть и старый, но ещё крепкий. Он состоял из горницы с двумя отгороженными спальнями, теплушки с печкой и маленьким чуланом, сени с ещё одним тёмным чуланом и терраски. От прежних хозяев в доме сохранилась вся нехитрая обстановка, даже кровати были застланы постелями. Всё выглядело так, как будто люди просто ненадолго вышли из дому, а не бросили его навсегда.

В горнице и теплушке по углам имелись божницы с иконами. На одной была изображена Божья Матерь с младенцем на руках, написанная, очевидно, каким-то местным умельцем на куске фанеры. Со второй, уже настоящей иконы довольно старинной работы, спокойно смотрел лик святителя Николая чудотворца. Кроме того, в горнице на стене, под самым потолком, висело несколько больших фотографий. Три из них являлись портретами: молодого человека, пожилого мужчины и глубокой старухи. На четвёртой фотографии, поменьше, был запечатлён лежащий в гробу покойник, правда, совсем не страшный. Вокруг гроба стояли скорбящие люди...

Зиму смерть сидела дома – топила печку, бесцельно шлялась из угла в угол или часами смотрела в окно на заваленную сугробами улицу. За тёмным лесом белели заснеженные поля. Небо было затянуто тонкой пеленой волнистых облаков, сквозь которые золотистым пятном пробивалось низкое солнце. Постепенно золотистый свет превращался в розовый, и это означало, что наступал ранний зимний вечер.

Когда становилось совсем скучно, смерть, в который уже раз, принималась исследовать всё ещё чужой для неё дом, и если ей удавалось найти новую, ранее не замеченную вещь, то тогда она подолгу крутила её в своих костлявых руках и с усмешкой думала, что вот, эту вещь люди приобретали на долгую жизнь, но эта жизнь прошла.

Однако основным развлечением для смерти зимой служило чтение дневника, который она обнаружила в горнице за божницей ещё в первые дни своего пребывания в доме. Этот дневник представлял собой толстую тетрадь, от корки до корки исписанную размашистым небрежным почерком. Принадлежал он студенту, приехавшему на каникулы в деревню погостить

к бабушке с бабушкой. Записи содержали почти всю историю дома с её невесёлым концом. Именно эту, последнюю часть дневника, и любила перечитывать смерть:

«В ноябре умер дядя Саша, мамкин брат. Ему не было и сорока. В колхозе мужикам на праздник выдали спирт „Рояль“. Они пили его в столовой. В этот же день дядю Сашу нашли мёртвым на ферме в работающем тракторе. То ли он задохнулся в нём, то ли отравился спиртом – я так и не смог узнать точно. Всё это очень грустно. Дядя Саша запомнился мне жизнерадостным человеком. У него было красивое широкое лицо. Его тонкие, слегка поджатые губы всегда чуть заметно улыбались. И я представляю, как ему было тяжело в тот последний его день.

...Смерть снова махнула своей косой. Прошёл всего год со дня гибели дяди Саши, и вот умер дед Коля. Он долго тяжело болел. Последний раз деда Колю я видел в конце прошлого лета. За мной на машине приехал отец, и мы по пути домой заехали в соседнее село, где находилась больница, в которой лежал дед. Именно в этой больнице 20 лет назад родился я. А теперь вот здесь умирал мой дед Коля. Передвигался он с трудом. Мы вышли на больничное крыльцо покурить. Стоял тихий августовский вечер. Дед даже не смог сам зажечь спичку, на его глазах наворачивались слёзы, хотя он был мужественным человеком. Когда мы уезжали, дед всё стоял на крыльце и смотрел нам в след. Больше я его не видел.

...Умерла прабабушка Хима. Она всего два года не дожила до своего столетия. Когда-то мы с братом были её любимыми правнуками. Но в последнее время прабабушка всё больше уходила в себя, память её ослабла, взгляд потускнел, сделался холодным и вот она умерла. Бабушка Катя рассказала, как это произошло. Она нашла прабабушку Химу в тёмном чулане в сенцах. Там её хватил удар. Семь дней она ещё после этого пролежала и только затем тихо скончалась».

Далее из записей следовало, что в доме осталась одна бабушка Катя, которую скоро забрали к себе её дочери. Дом опустел. Таким образом, фотографии, висевшие в горнице под потолком, были портретами дяди Саши, деда Коли и прабабушки Химы. Кто был тот лежащий в гробу покойник, запечатлённый на четвёртом снимке, смерть из дневника так и не узнала.

Наконец, наступало лето. Двор и зады дома зарастали травой и приобретали ещё более заброшенный вид. Уже к началу июля трава выгорала, а листва на яблонях соседского сада покрывалась тончайшим слоем пыли. В горячем воздухе пряно пахло полынью и коноплей. Стояли жаркие и сухие дни. Всё небо заволакивало какой-то белесоватой мутью, сквозь которую нещадно палило раскалённое солнце.

Теперь смерть можно было встретить гуляющей во дворе и на задах своего дома. Для прогулок она обычно выбирала послеобеденные часы, когда село, казалось, замирало в полуденном оцепенении. Только было слышно, как где-то кудахтали куры, да за лесом монотонно гудел мехток. Смерть гуляла не спеша, покуривала трубку и думала о том, как же тоскливо на земле, и как скучно тут жить. К вечеру село оживало, и смерть, отплёвываясь, убиралась в дом.

Иногда она совершала путешествия в лес, благо для этого нужно было просто перейти улицу. За домами сразу начинался спуск к руслу давно пересохшей реки, густо заросшему ветлами и клёнами. Смерть осторожно пробиралась по глухим тропинкам, проделанным пасущимися здесь всё лето телятами. Идти было тяжело. В лесу стояла духота. Гул мехтока делался навязчивым. Тропинки часто выводили к огородам и садам, на которых не было

ни души. Тут мирно, в окружении деревьев, росли капуста и морковка, зрели помидоры и огурцы, наливались яблоки. И только очень редко смерть встречала здесь какую-нибудь дряхлую старуху, собиравшую в кружку красную смородину. И тогда было видно, как бабка, заметив смерть, пугалась, но тут же брала себя в руки и делала вид, что ничего не замечает. Так происходило всякий раз, когда смерть встречала людей, и это было ей обидно – ведь она ничего плохого людям не сделала.

Через лес проходила дорога, выводившая на противоположную сторону речки. Здесь когда-то была ещё одна улица села. Теперь же её дома стояли заколоченные, а некоторые были совсем разобраны или развалились сами. И всё же среди этих заросших бурьяном развалин жил один человек. Это был старик-алкоголик, которого в селе звали Шубой. Он жил без света, газа и воды. В его доме даже не было полов. Еду себе он готовил зимой на печи, а летом прямо под открытым небом, на костре. Во время своих прогулок смерть иногда встречала Шубу, идущего через лес с бидончиком в руках в село за водой. Шуба единственный, кто не пугался смерти, а, напротив, завидев её, нагло ухмылялся. И это было ещё обидней.

Летом смерть скучала так же, как и зимой, и только когда в селе случались похороны, она немного приободрялась. А умирали здесь часто. В селе было много стариков, которым уже перевалило за девяносто. Много умирало молодых от водки. Нередки тут были и самоубийства. Примечательно, что совершали их люди в основном зрелого и даже пожилого возраста. Бабы обычно травились, а мужики вешались где-нибудь в сараях. Когда покойника несли по улице, провожая всем селом в последний путь, смерть выходила в палисадник своего дома и из-за растущих там берёзок наблюдала за похоронной процессией. Она с неудовольствием отмечала, что по-настоящему убитыми горем выглядели всего два-три человека, а остальным было, в общем-то, всё равно, и они просто выполняли обряд. После похорон дня четыре смерть пребывала в хорошем настроении, даже пыталась что-то напевать своим беззубым ртом, но потом ей снова становилось скучно.

На смену жаркому и сухому лету приходила тёплая и такая же сухая осень. Только по утрам иногда бывало довольно прохладно. Именно в такие дни в лесу зарождался туман. Он сначала копился там, всё больше густея, потом приходил в движение, клубясь, выползал из леса и скоро поглощал село. Тогда белое молоко тумана плавало в палисаднике за окнами дома, где жила смерть, и, казалось, хотело пробраться внутрь. Но тщетно. Поднимавшееся всё выше солнце скоро растопляло туман, к обеду становилось даже жарко, и смерть снова выходила на свои прогулки.

Село лежало в осенней дымке. По субботам топились бани. Сельчане копали картошку. Уборка урожая была в самом разгаре, и смерть теперь часто могла наблюдать, как с машинного двора в поля гуськом выходили старые комбайны, покачивая своими длинными жатками. С полей грузовые машины везли зерно на мехток, гул которого не замолкал на этот раз и ночью. И глядя на всю эту муравьиную возню, смерть думала о том, как много людям нужно для жизни, и что гораздо проще и легче умереть, чем жить.

Начиная с октября, всё чаще выпадали пасмурные дни, но без дождя. Сразу холодало. Всё небо затягивалось свинцовыми клочковатыми облаками, от которых делалось почти темно. Смерть тогда потеплее укутывала своё тощее тело в какие-то тряпки, брала в руки палку и шла на кладбище.

Дорога поднималась на взгорок. По мере подъёма всё явственнее ощущалось сырое дыхание облаков, до которых, казалось, можно было дотянуться рукой. Вот и остался позади машинный двор. Ферма с длинными коровниками, водокачкой и громоздким зданием кормоцеха была теперь совсем рядом. И нигде ни души, только сверху, с кладбища, доносится редкое карканье ворон. А вот и полуразрушенная колхозная столовая, где когда-то дядя Саша выпил свою последнюю бутылку. Наконец смерть скрывалась в подвижной завесе низких облаков и входила на кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.